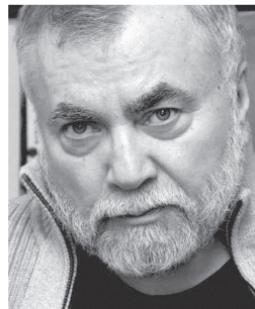

Алексей Цветков

ЭТО ПРАВДА БЫЛО ИЛИ КАЗАЛОСЬ

* * *

кеннеди кеннеди кинг и прочие жертвы
и с моста в пролом талахачи а смерти нет
билли джо макалистер о ком бобби джентри
пела пока не канула в интернет
в год когда я ждал на бульваре гири
в теремке термитном скорых даров судьбы
антиподы-прадеды с лязгом зубы в супы
упустили и рты утереть забыли
аж до орденских плашек висла слюна
в год когда я дернул к иным пределам
к синему заливу и пылким девам
запевай струна

от рассвета по трайборо вброд до бронкса
до заката на дилерской тачке в тендерлойн
грыжа держит азимут авось доберемся
в путь по солнечной в обратный по теневой
поздних зорь резеда в парнике партийном
муровали в гранит эти челюсти и тела
зимовать потому что смерти нет в противном
случае надо признать что жизнь была
к руслу миссури нимфы на фавнов падки
над cbgb лето прольет елей
мост над синим проломом по радио панки
the kkk took my baby away

погляди меня в гугле господи всех вселенных
если я записан в какой-нибудь их народ
очарованный житель в рощах твоих целебных
дегустатор нимф и редких рифм нимрод
сквозь гикори и гинкго слепящий свет одинаков
сквозь хитон рентгеном костей любой сантиметр
я вернулся открыть вам тайну двух океанов
горизонт безлюден как был и смерти нет

кто затеплил свет перед светом навек в ответе
 не уйти в полутьму астроябий и ветхих книг
 под окном паркинг-лот на асфальте играют дети
 кеннеди кеннеди кинг

* * *

на пляже тени влажные ложатся
 кружат стрижи и не хотят снижаться
 сто шестьдесят девятый день в году
 скрипят ворота и орфей в аду

река на букву с и бессловесны
 птицеподобья в тучах муляжи
 животных на притворном водопое
 над всеми кипарисовые свечи
 пылают черным правильным огнем
 и бабочки как проруби в сетчатке
 стократ черней чем допускает глаз
 не шелохнуть ушей бесшумной лирой
 вот жители умершие из нас
 и страшен всем ротвейлер троерылый

он здесь повторно раньше он имел
 спецпропуск на какую-то одну
 из этих нас но слабо в мелкий шрифт
 вчитался и ротвейлер на контроле
 вмиг завернул которую привел
 тот даже с горя спел по-итальянски
 стена в след упущенной добыче
 в окошко тыча справку и печать
 мол дескать que faró senza euridice
 что дескать делать и с чего начать

нас нет никак мы созданы из вздохов
 из допущений и негодований
 из слез и всхлипов тех кто нами был
 на елисейских выселках отныне
 где так черны стрижи и кипарисы
 и метит камни оловом река
 там наверху зачем кадите богу
 не возвратится с музыкой жених
 из этой бездны где ротвейлер ногу
 вздымает над надеждами живых

* * *

когда в густом саду когда в тенистом
 я вызывал тебя условным свистом
 сойти к реке где нам луна светила
 когда к утру мы первых птиц кормили

я ни на миг не сомневался в мире
что он таков как есть что он всегда

как мы играли там в эдеме дети
нам верилось существовать на свете
он состоял из лета и весны
какие липы нам цвели ночами
и каждый знал что завтра нет печали
наступит день где мы опять верны

теперь река за плесом половины
уходит в рукава и горловины
слепые липы угнаны в пургу
мир выстоял но уцелел не очень
дороже прежнего но так непрочен
он весь река а мы на берегу

там на холме все светит в сад веранда
я посвящу тебе моя миранда
до первых зорь пройдем в последний раз
где тени прежних птиц над нами грустно
и на глазах прокладывает русло
прекрасный новый мир уже без нас

* * *

обещали всю ночь молотки что на площади плаха
любопытные люди пришли в предвкушении страха

сухопарые матери их постепенные дети
убеленные старцы чьи дочери матери эти

день покупки воздушных шаров или сахарной ваты
старцам лучше покрепче но дети пока маловаты

перед тем как с телеги сгрузить кому песенка спета
на помосте прелат в маскарадном и член горсовета

то-то празднику рады ребята и матери тоже
им возможно и жалко слегка но забава дороже

каждый житель в толпе понимает похожие чувства
только солнце в глаза только синее небо до хруста

если брат им по праву терпи и не требуй ответа
это люди такие других не рожали от века

и не жалко для них приупасть под тесак на колено
если правда потом чтобы больше нигде не болело

* * *

марко поло долго жил в поднебесной
год в любую сторону если прямо
впал в фавор и стал фигурой известной
всем наместникам от манчу до аннама
а потом в европе военный узник
все не мог решить это смерть или снится
да возьми пособи грамотей французик
описал со слов в гемуэзской темнице
как курьерские кони храпят по стойлам
наготове и как на войлоке колком
пировал хубилай в ханбалыке стольном
в тростниковом дворце перешитом шелком

он теперь на поруках где дом и дожи
но и это и это фантомы тоже

пролистай наугад хоть до той страницы
где клеветы в сапфирах ползком к помосту
где с речное русло размахом птицы
промышляют слонов на прокорм потомству
там привозят пряжу из уйгуристана
что не вспыхнет в огне за билет бумажный
или вспомни когда погребают хана
кто завидит кортеж погибает каждый
вот лагуна и город по кромке блюда
как отрывисто время пространство голо
певчий голос в мозгу позовет проснуться
не вернешься умрешь вернись марко поло

пронеслось словно памяти не касалось
это правда было или казалось

что ж ты чертова память круги и пятна
распустила нить растеряла годы
неужели можно пройти обратно
в прежний рай миражей по огненной гоби
здесь палатки менял и с макрелью сети
там гроза и милость царского лика
недурна и венеция но на свете
нет столицы блистательней ханбалыка
одолев гангрену и долгий голод
в долг глазам пока глазеть не устали
спозаранку войти в невозможный город
где прозрачны хребты и ручьи хрустальные

запах смерти но жизнь обжигает ярко
собирайся в путь
возвращайся марко

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ОДА

как нас мало в природе чем свет сосчитал и сбился
в большинстве своем кворум из мрамора или гипса
а какие остались что в бостоне что в москве
кто в приюте для странников духа кто с круга спился
собирайтесь с аэродромов по мере списка
вот проснешься и думаешь где вы сегодня все

состоимся и сверим что мы кому простили
на коре зарубки круги на древесном спиле
только день в году для кого эта ночь темна
а потом как в лувре друг другу в лицо полотна
потому что раз рождены то бесповоротно
нежные словно из звездной пыли тела

это хвойное небо под ним пастушки коровки
всех хвостатых и без бегом достаем из коробки
старичок с топориком ослик и вся семья
с колыбели как мы добыча клинка и приклада
как умел любил и не ведал что бог неправда
мы убили его и живем на земле всегда

даже веру в фантом за такую любовь заочно
мы прощаем ему то есть я совершенно точно
как обязан прощать а другие поди пойми
вот у люльки кружком в канители в крашеной стружке
человечки-венички плюшевые игрушки
да сияет сегодня всем звезда из фольги

в этом сонме зверей рождество твое христе боже
так понятно живым и с судьбой человека схоже
соберемся по списку когда истекает год
заливает время запруды свои и гати
и две тысячи лет нам шлет дитя на осляти
если бога и нет нигде то дитя-то вот

скоро снова к столу простите что потревожу
я ведь сам пишу как привык то есть снявши кожу
лоскуты лица развесив перед собой
те кого уместил в вертеп в еловую нишу
это вы и есть а то что я вас не вижу
не толкуйте опроретью что лирник слепой

праздник прав а не святочный бог когда-то
наши дети в яслях и гусеницы и котята
минус мрамор и гипс но в барыше любовь
у истока вселенной подсмотрев это слово
я с тех пор как двинутый снова о ней и снова
и не стихну пока язык не ободран в кровь

* * *

на уроке терпения в пятом классе
соколова сидела поближе к васе
чтобы вырасти быстро и не скучать
на линейке жемчужина всей дружины
но не ближе чем те что остались живы
скоро в загс да в печальной графе печать

этот вася почти эпический образ
у доски по алгебре вечный тормоз
постепенно в горьком влксм
к выпускному они расписались с таней
но гражданских перечень состояний
невелик и последнее светит всем

я терпение выучил на пятерку
заграничную в срок получил путевку
ради прожитой жизни не жалко двух
но лет в двадцать раз возникает снова
пятый б любовь моя соколова
запорожье и детский немый дух

там размолвка вышла вернее развилка
у него была на меня дразнилка
забежал вперед а то бы узнал
мы терпели долго но перестали
и старик перевозчик пометив крестами
закрывает за нами классный журнал

НОЧЬЮ

от села невесела с того ли крылечка
ставни наперекос по двору куры востры
скок-поскок только смерклось старичок-калечка
стук-постук кривой клюкой о пустые версты
узелок приторочил в узелке заначка
гнать взашей стыдный страх исчезни луна в туче
а за ним опрометью малая собачка
хоть неказист человек а свой с ним-то лучше
вот идет калечка лугом семенит бором
ягоду ли берет гриб ни гроша не давши
в пуще лешие в крик русалки в пруду хором
чуть хлебнет из горлышка и шасть себе дальше
чу не мент ли из-за бугра шагами тяжко
послушно лезет в узел где печать на ксиве
справка из диспансера нужная бумажка
ан нет является ему сам господь в силе
стой говорит калечка ничего не бойся
глаза огнем палят борода снег на брюхе

говорит зычно но голоса нету вовсе
понятно без голоса просто слова в слухе
вот говорит господь лес поляна вот речка
в лесу лоси сохаты на лугах покосы
счастлив ли ты на такой дороге калечка
или еще что-нибудь сочинить для пользы
старичок в ответ а что кому еще нужно
тут говорит чуть вбок уйма грибов и ягод
когда не подеремся живем даже дружно
люди как проспят довольны ну и я вот
и доволен что бог а не мент участковый
и уже идти дальше погоняет ногу
только вдруг внизу трава шелестит по новой
и собачка изо всех сил говорит богу
сделай просит господи и для меня тоже
чтоб и я собачка была на свете рада
сотвори другой мир а не нынешний боже
пусть жизнь в нем окажется не беда а правда
нет говорит бог не для тебя творил время
не для тебя пространство небо с легким паром
тебе говорит бог собачка волчье семя
ни дам ни отниму живи как жила даром

и пошел себе не страшный но шибко гордый
вот выпадает роса скоро овсы в колос
калечка с заначки ослаб весь лежит мертвый
собачка сидит рядом и воет и воет в голос

Цветков Алексей Петрович (2 февраля 1947 года, Станислав, УССР – русский поэт, прозаик, эссеист, критик и переводчик, с 1975 года живет в США. Лауреат премии Андрея Белого (2007) и Русской премии (2011). Вырос в Запорожье. Учился на химическом факультете Одесского университета, затем в различное время обучался на историческом факультете (1965–1968) и факультете журналистики МГУ (1971–1974). Принимал участие в поэтической группе «Московское время». Перевел трагедию «Гамлет» Шекспира, отрывок из которой был опубликован в 2008 году в журнале «Новый мир». В 2010 году перевод вышел в «Новом издательстве» под одной обложкой с переводом трагедии Шекспира «Макбет» В. Гандельсмана.

